

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

Мемуары г-на Басманова

Письма без конвертов

Владимир Соколов

**Мемуары г-на Басманова.
Письма без конвертов**

«Автор»

2026

Соколов В.

Мемуары г-на Басманова. Письма без конвертов / В. Соколов —
«Автор», 2026

«Мемуары г-на Басманова» посвящены запискам русского офицера в Польше конца XVIII века. «Письма без конвертов» – сборник исторических сюжетов, тем и стилей на разные темы.

© Соколов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мемуары г-на Басманова	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Соколов

Мемуары г-на Басманова.

Письма без конвертов

Мемуары г-на Басманова

Глава 1

В начале 18.. года наш полк стоял в местечке **. Зимой время проходило особенно скучно: за учениями следовал обед, за обедом карты, а за картами ужин. Я делил квартиру с одним обер-офицером, горьким пьяницей, каждый месяц занимавшим у меня по рублю, и мечтал о летнем отпуске.

Как-то днем к нам зашел прапорщик Вихленц и сказал, что меня требует к себе полковник. Балагин, мой сосед, спросил, не знаю ли я, зачем меня зовут.

– Что-то барон с тобой особенно нежен в последнее время, – предупредил он меня со смехом. – Смотри, женит тебя на своей Курносой Марфе!

«Курносой Марфой» у нас называли дочь полковника – перезрелую барышню лет двадцати пяти, действительно очень курносую и к тому же рябую, о которой всему полку было известно, что отец не может подыскать ей подходящей партии. Время от времени он проникался теплыми чувствами к одному из младших офицеров, зазывал его в дом и всячески опекал по службе, и на такого офицера со всех сторон сыпались советы держаться настороже и смотреть в оба. Я ответил подходящей случаю шуткой, нацепил саблю и отправился в гарнизонный штаб.

В штабной приемной меня встретил дежурный адъютант, ротмистр Синицын. Он сказал, что у полковника имеется срочное донесение для коменданта города, но наш полковой курьер как на грех уехал в Пешну, а подпоручик Васильков, которого посылали в его отсутствие, упал вчера с лошади и лежит в лазарете со сломанной рукой. Все это означало, что в город придется ехать мне.

– Есть еще одно обстоятельство: полковник особо поручает вам доставить графине Потоцкой вот эту дюжину «дюрсе». – Адъютант подошел к шкафчику, стоявшему в углу комнаты, и вынул кожаный баул, в котором звякнули бутылки. – Времени у вас будет мало, а не то я попросил бы вас навестить в городе одну мою знакомую – ее зовут Эвелина, она живет на площади в доме у цирюльника. Ежели у вас все-таки найдется свободная минута передать ей мой привет, буду почитать себя вашим должником.

Скажите, есть ли на свете полковой офицер, который не мечтал хотя бы на день вырваться из гарнизона? Я таких не видал. Выйдя из штаба, я словно на крыльях полетел к казначею за дорожными, заглянул в манеж и наказал вахмистру приготовить мне справную лошадь, пообещав за эту услугу привезти ему из города хорошего табаку. На обратном пути мне встретились прапорщики Кизяков и Ложкин: узнав про мою командировку, они забросали меня поручениями и просьбами, но я только многозначительно погремел бутылками в бауле и намекнул, что в городе у меня будут более важные дела.

На следующий день, едва рассвело, я уже выезжал за гарнизонные ворота вместе с денщиком и тремя унтер-офицерами, которых послали собирать фураж и провизию по деревням. Спросонок наши лошади плелись, повесив головы; разговор не клеился; заря меж тем занималась. – Скоро показалось солнце; согретый его теплыми лучами, я предался тем сладким

мечтаниям и грезам, которые помогают скоротать скучную дорогу. Мне вспомнились мой родной уголок, деревенька и дом с покосившимся набок мезонином, дядюшка Епифан, который, бывало, в такой же ясный день выходил поутру из псарни с ружьем и двумя борзыми собаками, одной белой и другой рыжей, по кличке Фея и Моська, и покрикивал на конюхов, несноровисто седлавших лошадей; вспомнил белые с синим тиковые полосатые диваны в нашей гостиной, мою кузину Оленьку, ее кудрявую болонку Фрину... Погода между тем испортилась: небо потемнело, вдруг подул холодный ветер, на горизонте показалось облачко; не успел я опомниться, как налетела туча и хлынул дождь. Дорога мигом превратилась в грязь. Забравшись на пригорок, я огляделся по сторонам в надежде найти какое-нибудь укрытие, но повсюду увидел лишь голую равнину с редкими и безлиственными деревьями. Делать было нечего – мы надвинули на нос мокрые фуражки и поскакали дальше.

Миновав с полверсты, мы заметили на дороге застрявший экипаж, который съехал на обочину и грозил опрокинуться в канаву; бородатый возница, встав на козлах, тщетно натягивал вожжи и размахивал кнутом; промокший слуга бестолково сутился рядом, пытаясь поймать оторванный верх. Мы подоспели вовремя – еще минута, и экипаж полетел бы в грязь. Едва мы успокоили лошадей, как ветер стих и облака рассеялись: от внезапной бури остались только большие градины, быстро таявшие на солнце.

Я приблизился к экипажу, чтобы узнать, не нужна ли помощь. Под надвинутым тентом сидели две перепуганных пассажирки, с ног до головы забрызганные грязью: первая, дама зрелых лет, толстая и раскрасневшаяся от волнения, начала пылко благодарить меня по-французски; вторая, девочка лет пятнадцати, хорошенькая, как фарфоровая кукла, онемела от страха и только дико блестела на меня глазами из своего угла. При виде таких дам мне стало жалко, что я не гвардейский офицер при мундире и парадном кивере. Убедившись, что с путешественницами все в порядке, я откланялся и пожелал счастливого пути. Отъезжая, мы услышали, как кучер громко цокал и по-польски покрикивал на лошадей, понуждая их вывезти экипаж на размокший тракт.

Я надеялся быть в городе к полудню, но на переправе узнал, что вода от дождей поднялась и прорвала плотину. Объезд занял много времени: к заставе мы подъехали уже в сумерки. Следовало думать о ночлеге; плетясь по кривым улочкам, мы стали проситься на постой, но нас нигде не пускали. В двух-трех харчевнях, попавшихся по пути, ворота были заколочены (как я после узнал, из-за недавнего карантина), а в тех, что оставались открыты, требовали разрешения от полицмейстера, который жил на другом конце города. Мороз между тем крепчал и как железом сковывал наши мокрые шинели. Я уже ожидал, что так и замерзну посредине улицы, как вдруг Василий объявил, что не далее как на соседней улице, живет его приятель, который поселит нас за сходную цену, «буде таково желание вашего благородия». Я только покачал головой и кивнул, решив отложить заслуженную взбучку до утра.

Мы повернули за угол и подъехали к темному двору, показавшемуся мне на первый взгляд совершенно безлюдным. Василий, не вылезая из седла, ударил сапогом в ворота, в ответ залаяли собаки. «Хорошо же, – подумал я, – если нам и здесь не откроют, я подниму такой шум, что разбужу всю улицу». Вдруг сбоку заскрипела калитка, и сутулый старичок, одетый в онучи и пестрый балахон, высунул наружу голову и посветил на нас фонарем. Увидев лошадей и блеск амуниции, он пробормотал что-то о нехватке места и хотел уйти.

– Эй, эй, хозяин, погоди, разве ты приятеля не узнал? – закричал Василий, спешиваясь и подходя к воротам.

Они о чем-то заговорили вполголоса; затем денщик обернулся ко мне и крикнул:

– Ваше благородие, нельзя ли толику задатка?

Я мог только кивнуть – язык мой почти примерз к гортани.

Наконец, ворота заскрипели, и старик впустил нас во двор. Поставив лошадей, мы направились к дому. По-русски корчмарь не понимал ни слова, и Василий с его слов объяснил мне,

что мест в трактире нет, поэтому нас поселят в «мезонине». Услыхав про мезонин, я испытал дурное предчувствие; и недаром: миновав низкое крыльцо и хлев, мы поднялись наверх по скрипучей лестнице и попали на чердак, где пол был выстлан старой соломой, а голова задевала за стропила, сыпавшие за воротник пыль и труху. Впрочем, здесь имелись также горячая печка, две кровати, отделенные друг от друга занавеской, сундук и даже венский стул с выгнутой спинкой; рассудив, что не стоит более испытывать судьбу, я приказал Василию вскипятить воды и кинулся к коменданту.

Найти его дом оказалось очень просто – он стоял на главной площади рядом с ратушей и выглядел как старинный рыцарский замок с двумя каменными башнями. Когда я подходил к подъезду, меня встретила пылавшая на деревьях иллюминация. В просторном аванзале два лакея раздевали посетителей; один из них, приняв меня за запоздавшего гостя, с недовольным видом взял мою запачканную шинель. Я ждал, что гостиная будет полна народу, и не ошибся – приемный зал весь был набит людьми. Тут было представлено все общество: военные в расшитых золотом мундирах, статские в камзолах и шарфах, нарядные дамы в драгоценных украшениях и пышных платьях. Войдя в зал, я остановился у дверей и начал искать взглядом распорядителя бала или кого-нибудь, кому мог объяснить свое появление. Наконец, я увидел офицера, который стоял у стены, сложив руки за спиной, и смотрел на всех с видом рассеянным и непричастным празднеству. Подойдя к нему, я объявил, что имею поручение к его превосходительству господину коменданту города.

– Соблаговолите сообщить, от кого ваше поручение? – спросил офицер, наклонив напомаженную голову.

– Донесение из ***ского гарнизона, от полковника Биркхофа.

– Сию минуту доложу об этом коменданту, – отвечал офицер, кланяясь благожелательно.
– Обождите меня здесь.

С этими словами он ушел, оставив меня в большом смущении на глазах у ходившей мимо публики. На мое счастье, адъютант быстро вернулся и повел меня по лестнице наверх.

По дороге я спросил, по какому случаю нынче устроен вечер.

– Как, вы не знаете? – удивился офицер. – Ах да, вы из гарнизона... Сегодня празднуют именины жены коменданта, госпожи Пановой.

Комендант принял меня в своей курительной, небольшой овальной комнате с турецкими диванами и красными коврами. Это был мужчина невысокого роста, с седыми усами и суровым выражением лица. Он молча распечатал врученное мною донесение, наклонился к лампе, прочел бумагу и бросил очень сухо:

– Эту депешу мне должны были доставить еще вчера.

– Ваше превосходительство, – возразил я, немного покраснев, – простите, но я никак не мог этого сделать, потому что сам получил ее сегодня утром. Впрочем, я привез бы ее несколькими часами раньше, если бы в пути меня не задержало одно досадное препятствие.

– Вот как? Какое же препятствие могло вас задержать?

– Река Вничка, ваше превосходительство, ночью вышла из берегов и разрушила плотину. Я сделал большой объезд и потерял половину дня. Пользуясь случаем, прошу у вашего превосходительства разрешения задержаться в городе, ибо имею от полковника приказ вернуться в гарнизон сегодня же вечером.

Коменданта мое сообщение, по-видимому, сильно взволновало.

– Стало быть, плотина через Вничку прорвана? – воскликнул он.

– Да, ваше превосходительство.

– Но как же вы сами переправились через реку?

– Я воспользовался баркой, на которой гуртовщики перевозили скот.

Комендант бросил письмо на стол и выпрямился с таким видом, словно плохая новость придала ему новых сил.

– Видите, что у нас делается? – сказал он, обращаясь к офицеру, почтительно молчавшему в дверях. – Сообщение с Кайдановым прервано, а я узнаю об этом спустя сутки от случайного курьера! Слыхано ли что-нибудь подобное? Если завтра конфедераты поднимут мятеж, я узнаю об этом, когда они начнут гарцевать под окнами моего дома.

– Они никогда на это не осмелятся, – возразил офицер с подобострастной улыбкой.

Комендант пожал плечами, как бы говоря: «Почему вы знаете?», – и снова повернулся ко мне.

– Что ж, прапорщик, новость, которую вы привезли, гораздо важнее доставленной депеши, – сказал он. – Я приказываю вам остаться в городе до завтра. Так будет даже к лучшему, потому что завтра вы отвезете мой ответ полковнику. Приходите ко мне утром... нет, лучше после обеда. Полковник не просил передать мне что-нибудь на словах?

Я ответил, что самого барона не видал и получил поручение от его адъютанта.

– Кстати, позвольте передать самые искренние поздравления вашей супруге, – прибавил я с поклоном.

– Не премину, не премину, – возразил комендант уже совсем добродушно и отпустил меня снисходительным кивком.

В дверях он остановил меня вопросом, где я собираюсь ночевать. Я ответил, что остановился в трактире.

– А, ну это хорошо. Я мог бы предложить вам комнату у себя в доме, но раз уж вы устроились, не стану вам мешать. Всего наилучшего!

Офицер проводил меня к дверям, и я оказался вдруг на улице. Я почти не заметил, как прошел обратный путь. В каком-то пустынном переулке, заметив, что лицо мое горит, я сгреб с карниза иней и приложил к пылающему лбу; это меня немного охладило. Неожиданная легкость, с которой разрешились все мои затруднения, вид блестящего бала, морозная свежесть улицы, в особенности же возможность остаться в городе до следующего вечера, – все это кружило мне голову, как вино. Денщик встречал меня у ворот трактира со свечой – от радости я едва не бросился ему на шею. Василий успел раздобыть где-то сухари и сахар; кипяток на печке еще не остыл. Разомлев от горячего чая и пышущей жаром печки, я бросился на кровать и тут же крепко заснул.

Глава 2

На другое утро, наскоро перекусив и надев вычищенный Василием мундир, я отправился с визитом к графине Потоцкой. Адреса ее я не помнил, но полагал, что легко узнаю его у дворника или будочного сторожа. К моему удивлению, никто не смог сказать мне ничего толкового, пока какой-то мальчишка, пускавший в ручье кораблики, не указал на невзрачный флигель в глубине грязного двора.

Дверь открыла горничная, молча проводившая меня в прихожую. Присев на кушетку, я оглядывал комнату. Убранство дома показалось мне чрезвычайно бедным. Напротив окна стоял красный шифоньер, покрытый грубой резьбой, рядом пылилось синее бархатное кресло с желтыми разводами, а середину комнаты занимал дубовый стол, который был более уместен в конторе ростовщика. Все это никак не подходило к моим представлениям о богатом доме, однако я не успел задержаться на этих впечатлениях, потому что дверь отворилась и в комнату вошла сама хозяйка.

Графиню я рисовал себе сухой аристократкой, поминутно вскидывающей к глазам лорнет и надменно говорящей в нос; вместо этого я увидел перед собою моложавую полную даму с приветливым взглядом и прекрасно уложенными волосами цвета *les feuilles d'automne*. Войдя в комнату и увидев военную форму, она взглянула на меня с некоторой тревогой, но, услышав про цель моего визита, тут же расцвела улыбкой.

– *Quelle surprise, quelle surprise!* – заговорила она живо и проворно, не давая мне вставить ни слова. – Ах, да это вино! и шампанское! шатодюрсе! Ну, я вижу, барону не изменяет его прекрасный вкус. Передайте ему, я бесконечно тронута, что он не забыл своих старых друзей. Но что же вы стоите, пан офицер? Присаживайтесь, располагайтесь, будьте как дома. Я велю подать какое-нибудь угощение. Признаюсь, вы застали меня врасплох, я не ждала визитов. Не хотите ли чаю? Лиза, принесите чаю господину поручику!

Я с сожалением заметил, что имею только чин прапорщика. Графиня рассмеялась.

– Ну-ну, пан офицер, я же не назвала вас генералом! Плох тот солдат, который не мечтает стать... священником! – Она прижала обе ладони к вспыхнувшим щекам и помотала головой. – О Боже, от волнения я несу какую-то гиль! Но вы сами виноваты – вы смущаете меня своим бледным лицом и неподвижным взглядом... Сядьте, по крайней мере, на это канапе (я опустился обратно на кушетку) и расскажите скорее про милого барона. Говорят, он очень суров со своими подчиненными? Кому же это знать, как не вам! Говорите без обиняков, не стесняйтесь; я хочу знать вашу жизнь, меня интересует каждая подробность!

Горничная принесла чай, а графиня села напротив и обратила на меня веселый взгляд, видимо, ожидая забавного рассказа. Увы, нашего «милого барона» я видел только на плацу да еще в тех случаях, когда получал выговор или взыскание. Вероятно, от смущения я бы наговорил всякого вздору, если бы в этот момент нашу беседу внезапно не прервали: дверь распахнулась и в комнату вошла статная дама, которая, не замечая меня, с решительным видом направилась к графине.

– *Pardonnez m'invasion, madame,* – произнесла она недовольным и холодным тоном, – *mais votre fille, elle fait les choses impossible* (прошу извинить меня за вторжение, но ваша дочь делает невозможные вещи)!

Следом за ней в открытую дверь, виновато потупив голову и свесив по щекам белокурые локоны, вошла юная особа, волочившая за собой плюшевого медведя. При виде обеих дам я невольно встал, узнав в них моих вчерашних путешественниц. В ту же минуту гувернантка увидела меня и взволнованно всплеснула руками. «Матерь Божья! – воскликнула она, глядя на меня почти с ужасом. – *Voici notre sauveur!* (Вот наш спаситель!)». Девушка также остановилась, уронив на пол медведя и уставившись на меня во все глаза. После минутного замешательства

я поклонился и выразил удовольствие, что мои нечаянные спутницы благополучно добрались до города.

Узнав, в чем дело, графиня пришла в энтузиазм.

– Так вы тот самый офицер, который спас мою дочь! – воскликнула она в восторге. – Вы храбрый герой, укротивший колесницу Фэтона, наш новый Ахиллес, наш Аякс, наш Баярд, un homme sans peur et reproche! Известно ли вам, сударь, что со вчерашнего дня эти бедные женщины буквально бредят вами? Лили, мадам де Лунь! – обратилась она к стоявшим рядом женщинам так, словно они находились в другой комнате. – Скажите, в достаточной ли степени вы отблагодарили своего избавителя?

Дочь графини, показавшаяся мне теперь намного старше, чем в первый раз, подошла к матери и грациозно облокотилась на спинку кресла.

– Маменька, – сказала она с очаровательной ужимкой, – я была так напугана, что не могла вымолвить ни слова!

– Полноте, графиня, я не совершил ничего такого... – начал было я, но графиня быстро подхватила:

– Ничего такого, хотите вы сказать, что не являлось бы поступком истинного рыцаря! Нет, господин прапорщик, я не сомневаюсь, что вас послала к нам сама судьба. И отныне – слышите вы это? – я считаю вас своим близким другом и гостем нашего дома. Надеюсь, что теперь мы будем видеться часто; я настаиваю на этом! Приходите к нам запросто, я жду вас каждый день.

Я возразил, что сегодня же днем должен вернуться в гарнизон, но графиню это нимало не смутило.

– Что за вздор, mon officer, – сказала она с таким видом, словно речь шла о насморке или дурной погоде. – Зачем вам возвращаться в гарнизон? Разве это подходящее место для такого человека, как вы? Вам надобно служить в городе!

– Но приказ, графиня...

– Что за приказ, когда я говорю вам, что вы должны перевестись в город? Вот, кстати, прекрасный случай оказать вам ответную услугу: комендант мой старый друг и не сможет отказать мне в маленькой любезности. Вы ведь знаете господина коменданта?

– Как раз сейчас я иду к нему за письмом для нашего полковника.

– Вот и прекрасно; я поеду с вами. Лиза, скажи, чтобы заложили коляску.

Признаюсь, я не мог понять, говорит графиня серьезно или в шутку; мысль, что моя судьба может измениться так внезапно и по такому легкомысленному поводу, казалась мне невероятной. Между тем дамы стали со мной прощаться. Мадам де Лунь, которая, несмотря на почтенный возраст, быстро и легко краснела, с зардевшимися щеками выразила уверенность, что мы скоро увидимся; Лили, похожая на ангелочка, с притворно скромным видом прокартавила какую-то французскую любезность. Мы вышли в переднюю, где горничная подала мне шинель и надела на графиню шубу; коляска уже стояла у крыльца.

В экипаже графиня усадила меня рядом и всю дорогу продолжала говорить без умолку.

– Вообразите, господин поручик, в какую историю мы попали, – жаловалась она мне, пока мы во весь дух мчались к дому коменданта. – Недавно я продала свой старый дом и купила новый роскошный особняк – знаете, тот самый, что напротив *variete*? Так вот, представьте себе, что мошенник-стряпчий, составляя купчую, внес в нее пункт, по которому мы оставляем старый дом немедленно после покупки нового! Будьте уверены, он сделал это нарочно – ибо у нас есть могущественные враги. Дело передано в суд, и, разумеется, сегодня или завтра он вынесет решение в мою пользу, но теперь – увы, теперь мы висим между небом и землей, как певчие птицы – *l'oiseau chanteur* – и принуждены мириться с Бог знает какими условиями. Впрочем, я уже предвкушаю удовольствие принять вас в своем новом особняке и надеюсь, что вы не откажете мне в такой любезности. Можете не сомневаться, вы будете моим первым гостем. По

случаю новоселья состоится грандиозный бал, я собираюсь пригласить самого маэстро Сатри... О, этот бал не скоро забудут!

Я спросил, не была ли она вчера на вечере у комендантши.

– О нет: у этой дамы очень дурной вкус, и я не переношу ее напыщенных раутов. Кроме того, мы с ней в каком-то смысле соперницы – тот, кто бывает у нее, не бывает у меня, и так далее... Воображаю, – засмеялась она вдруг, – что вы должны были подумать, увидев себя во флигеле для прислуги! Признайтесь, вы решили, что попали к какой-нибудь скупой старухе, к выжившей из ума карге, трясущейся над своими ключами!

Я не знал, что сказать, и ответил одним из расхожих армейских комплиментов. Графиня откинулась на подушки и захохотала на всю улицу.

– Да вы опасный донжуан! – сказала она. – А вы не боитесь себя скомпрометировать, разъезжая с такой дамой на глазах у всего города?

Этот вопрос поставил меня в тупик; к счастью, мы уже приехали.

В доме коменданта нас пропустили без препятствий, но провели по боковой лестнице. В маленькой прихожей графиня шепнула мне, чтобы я подождал, и проскользнула за темную портьеру. Вскоре из соседней комнаты донеслись приглушенные голоса. Я сидел как на иголках, каждую минуту ожидая, что комендант вызовет меня к себе. Разговор становился все возбужденней и громче: в голосе генерала слышались сердитые нотки, графиня отвечала ему резко. Сердце у меня упало. Наконец, графиня стремительно вышла из комнаты; лицо ее было бледно, но глаза и губы улыбались как обычно.

– Ну вот, что я вам говорила, – сказала она, застегивая на ходу перчатку. – Комендант был только рад оказать мне эту маленькую услугу. Поздравляю вас – с сегодняшнего дня вы служите в нашем городе.

– Но... каково же место?

– О, место... место очень простое. Вы прикомандированы к новому монастырю.

Я не мог поверить своим ушам.

– Помилуйте, графиня! – воскликнул я в ужасе. – Неужели вы хотите сослать меня в монастырь?

Графиня остановилась и ухватила меня за руку, чтобы устоять на ногах от смеха.

– Ох, до чего же вы забавный! – проговорила она наконец, перестав смеяться. – Нет, господин поручик, я не хочу упечь вас в монастырь! Впрочем, если вы будете плохо себя вести... Но вас приставят для служебных поручений.

– Для каких поручений?

– Почему я знаю? Завтра утром зайдете в канцелярию, вам там скажут.

И графиня как птица полетела дальше по коридору, а я растерянно последовал за ней. Внезапно она обернулась и посмотрела мне прямо в глаза.

– Что за кислый вид, поручик? – спросила она с ласковым участием. – Неужели вы мной недовольны?

– Напротив, – пробормотал я, – не знаю, как выразить благодарность...

– О, для этого у вас еще будет случай, – подхватила графиня. – Завтра я жду вас у себя к обеду, и без возражений (я и не думал возражать). Обещаю вам, что мы превесело проведем время. Да, и знаете ли что? Мадам Эльвира без ума от вашего мундира. Кажется, я сказала в рифму, – улыбнулась она, садясь в коляску.

Я простился с графиней и отправился к себе, раздираемый противоречивыми чувствами. Отец часто мне говорил: «На службе ни на что не напрашивайся и ни от чего не отказывайся», – и до сего дня я твердо придерживался этой стоической формулы. Но увы, теперь у меня были все основания предполагать, что я навсегда упал в глазах коменданта и что должность, приобретенная по столь сомнительному ходатайству, бросит тень на всю мою карьеру. В какую-то минуту я хотел уже было идти к коменданту и отказаться от нового назначения, но потом

переменил свое решение. Мне вдруг вспомнилась наша грязная изба с клопами, вечно пьяный Балагин, ежедневные маршировки, скверное вино в шинкарне – и моя прежняя жизнь в полку показалась мне невыносимой. Я рассудил, что дело уже сделано и самой лучшей тактикой будет ни во что не вмешиваться, предоставив событиям идти своим чередом.

Вернувшись в дом, я застал Василия за разбором дорожной клади. Мою новость он встретил спокойно, словно такие неожиданные переводы из гарнизона в город были самым обыкновенным делом. Он только поинтересовался, не прибавят ли мне жалованья, и, узнав, что об этом мне ничего не известно, ответил своим обычным «И-их!»

– На старой квартире у меня остались вещи, завтра привезешь их сюда, – распорядился я, раздосадованный его равнодушным видом. – И у Балагина забереешь десять рублей долга, а коли не отдаст, возьми с него расписку.

– Раз вы сами не взяли раньше, что ж мне теперь брать? – возразил денщик.

– Ты слушай да помалкивай! Вечером найди где-нибудь прачку и отдай стирать мою рубашку, а то мне завтра и надеть будет нечего. А когда вернешься, надо будет приискать квартиру поприличней: твой приятель поселил нас под самой крышей, точно студентов.

– Все лучше, чем на улице ночевать, – пробурчал себе под нос Василий.

– Поговори у меня! О харчах ты хоть с ним договорился?

– Само собой. Просят пожаловать отобедать в зал, а коли захотите, и сюда принесут.

– Вот это славно. Как его звать?

– Хозяина? Соломоном Казимировичем.

– Так он еврей?

– Так точно.

– Ну, брат, не знал, что ты водишься с жидами.

– А и что ж, что с жидами? – обиделся Василий. – Мне с ними в церковь не ходить. Разве ваш Балагин лучше?

Это сравнение поразило меня своей неожиданностью, и, рассмеявшись, я пошел обедать.

«Залой» называлось не совсем чистое, но довольно большое помещение, заставленное вдоль стен длинными столами. Когда я вошел, в нем сидело человек двадцать посетителей, которым прислуживал сам хозяин. Место показалось мне не совсем приличным, а публика – не самой почтенной, но обед был лучше, чем я ожидал, и даже лучше, чем я привык есть в гарнизоне: это обстоятельство, немаловажное для любого квартиранта, примирило меня с Соломоном Казимировичем. После недурной отбивной, запитой сносным рейнвейном, я решил пройтись по городу. Он не поразил меня ни размерами, ни архитектурой. Домой я вернулся только через два часа, вдоволь насмотревшись на тесные улочки, низкие дома, вывески модных лавок и местных дам, разъезжавших в открытых колясках под зонтиками от солнца.

Вечер мне предстояло провести в своей каморке. Я не знал, чем себя занять. В гарнизоне меня развлекали карточная игра и семиструнная гитара, которую я одалживал у сослуживца, здесь же не было и таких занятий. От скуки я решил заглянуть в железный сундук, стоявший возле печки, и нашел в нем несколько старых книжек. Рассудив, что они принадлежат хозяину трактира и можно воспользоваться ими как дополнением к его услугам, я лег на постель и стал разглядывать свои находки. Рассудив, что они принадлежат хозяину трактира и, стало быть, можно воспользоваться ими как дополнением к его услугам, я прилег на постель и стал разглядывать свои находки. Первая книжка была на неведомом мне языке; вторая оказалась польской; зато в третьей я нашел следующее любопытное повествование:

«И еще рассказывает равви Эбенер (так начиналась первая глава), что когда Лазарь был при смерти, то позвал он к себе жену и сказал ей: «Я знаю, что мудрецы на меня разгневаны и захотят оставить меня без погребения; поэтому положи меня на чердаке и ничего не бойся». Жена так и поступила; и после этого лежал он на чердаке осьмнадцать лет и еще два года, и

каждый день, поднимаясь туда, жена проверяла его, дергая за волосы, а когда волос выдергивался, то появлялась капелька крови.

И вот однажды она увидела червячка, выползавшего из его уха, и сильно опечалилась, но в ту же ночь он привиделся ей во сне и объяснил причину этого явления: «Не обращай внимания – просто один раз было, что я слышал, как поносят мудреца, и не дал этому должного отпора». Молва об этом чуде разнеслась по всей округе, и скоро к нему в дом стали приходить люди, чтобы выслушать его суждение о своих делах. Они останавливались у дверей, и каждый говорил свои слова; потом слышался голос с чердака: «Такой-то, ты виновен; такой-то, ты прав».

Случилось как-то, что жена Лазаря поругалась со своей соседкой, и, рассердившись, та сказала ей в сердцах: «Чтобы и тебе стать такой же, как твой муж, лишенный погребения!» После этого мудрецы решили его похоронить, рассудив, что такое положение противоречит всем приличиям, однако жители Абхры им воспротивились, потому что все те годы, пока Лазарь лежал на своем чердаке, городу не вредили дикие звери. Но мудрецы выбрали время, когда жители Абхры были заняты перед днем Всепрощения, тайком сняли с чердака Лазаря и отнесли его к пещере, где был похоронен его отец. Перед входом в пещеру они увидели змея, который преградил им путь, и сказали ему: «Змей, змей! Сомкни уста свои; и пусть войдет сын к своему отцу». И тогда змей пропустил их».

Понемногу в комнате темнело, но я не зажигал свечу, довольствуясь тусклым светом, проникавшим через слуховое окошко. Вдруг кто-то тихо вошел в комнату. Думая, что это Василий, я сказал, не подымая глаз: «Где ты шляется, старый дурак?» Удивленный последовавшим в ответ молчанием, я поднял голову и от неожиданности едва не вскрикнул – посреди каморки стояла высокая женщина в темном платье и молча глядела на меня.

– Что вам угодно? – спросил я, поспешно стараясь нашарить на стуле огниво.

– Я пришла взять вещи, – отвечал из темноты спокойный голос.

– Какие вещи?

– Да те, что в сундуке.

Наконец мне удалось зажечь свечу. При свете ее я увидел девушку лет двадцати, довольно миловидной наружности, в овчинном тулупе и пестрой косынке, повязанной сверху белого платка. По особому выговору, смуглому лицу, черным косам и особенно сумрачным как ночь глазам я без труда узнал в своей гостье жидавку.

– Тебя послал ко мне хозяин?

– Он.

– Что же, ты у него в услуженье?

– Я его дочь.

Она говорила все это безжизненным голосом, а последние слова произнесла и вовсе вяло; вместе с тем в ней не чувствовалось никакого испуга или робости.

Все это показалось мне довольно странным. «Стал бы старый хрыч посылать свою дочку к молодому офицеру, – подумал я. – Да и книги эти не простого трактирщика! Здесь должна быть какая-то тайна». Воображение мое, уснувшее было при гарнизонной жизни, живо встрепенулось.

– Ты думаешь одна тащить этот сундук? – спросил я.

– Нет; я возьму то, что в нем лежит.

– Это вещи твоего отца?

– Нет.

– А чьи же?

– Постояльца, который жил здесь раньше.

– Почему же он сам за ними не пришел?

Девушка промолчала. Мне показалось, что она робеет; моя смелость, напротив, возрастала.

– Ну, хорошо, бери, что тебе нужно, – сказал я.

Еврейка молча подошла к сундуку и стала вынимать лежавшую в нем одежду.

– Должны быть еще книги, – сказала она, не глядя в мою сторону.

– Вот они, возьми.

Опустив голову, девица подошла к моей кровати и протянула руку к стопке. Желая усадить ее на постель, я схватил еврейку за рукав и потянул к себе, но она сильным движением вырвалась из моих объятий и, схватив книги, кинулась вон из комнаты. Не ожидав от нее такой прыти, я не успел ей помешать; ее башмаки простучали дробью по лестнице и стихли внизу.

Через минуту в комнату с озадаченным видом вошел денщик.

– Никак хозяйская дочка тут была? – спросил он, глядя на меня с раскрытым ртом.

– А, так ты и ее знаешь! Расскажи мне о ней.

Но денщик и не думал ничего рассказывать.

– И-их, барин, не трогали бы вы девку, – проговорил он, с укоризной качая головой. – Грех обижать того, кого Бог умом обидел!

– А что, разве она блаженная?

– Блаженная? – переспросил Василий, усмехаясь. – Эх вы, барин, скажете! Никакая не блаженная, а только баба с придурью. То молчит целый день, то засмеется, а то, слышь ты, заплачет или скажет, сама не зная что. Уж знахарь ее лечил, лечил, да не вылечил. А жаль ее, девка-то пригожая.

– И муж у нее есть?

– Нету. Кто ее такую замуж-то возьмет?

Странное дело, девушка совсем не показалась мне безумной.

– Скажи, братец, а как ты познакомился с хозяином? – продолжал я, желая разговорить Василия, но денщику мой вопрос не понравился. Он успел уже изрядно выпить и в подпитии становился настолько же скрытным, насколько другие бывают разговорчивы. Вместо ответа он стал нести всякую околесицу, вздыхать и пустился в такие отнекивания и экивоки: «А что ж тут такого? Познакомился, как обыкновенно знакомятся» и т. д., – что мне стало тошно. Я велел ему замолчать и принести ужин.

После ужина Василий завалился спать, а я стал смотреть книгу, которую девушка обронила впопыхах и оставила мне в качестве военного трофея. Она была на польском языке, но на ее полях я нашел несколько заметок, написанных по-русски. Некоторые из них показались мне довольно забавными, например: «Сын Давидов придет, когда кончатся все мелкие монеты в кошельке», или «Если произносят слова умершего мудреца, то уста его шевелятся в могиле». В конце несколько страниц было исписано от руки по-русски, но, вникнув в них, я нашел только какие-то еврейские мудрености, которые навели на меня неодолимый сон. Зевнув, я толкнул ногой денщика, храпевшего рядом за занавеской, повернулся на бок и задул свечу.

Глава 3

Когда наутро я проснулся, оказалось, что Василий уже уехал в гарнизон. На стуле висела моя рубашка, выстиранная и выглаженная: как ему удалось сотворить это чудо, осталось для меня загадкой. Сверившись с часами, я увидел, что пора идти в канцелярию.

Канцелярия – или, как она официально называлась, секретариат Его Превосходительства коменданта города – находилась там же, где комендантский дом, только вход был с противоположной стороны. Приемная оказалась пуста, но чиновник, желая придать себе большую значительность, заставил прождать меня с полчаса. Сей канцелярский червь был упитан, розовощек и величественно возвышался за необъятным столом, заваленным всевозможными бумагами. Задав обычные вопросы про мой послужной список, взысканья и награды, он как бы между прочим вставил, что не позднее понедельника я должен привезти ему казенный формуляр за личной подписью полковника, а до тех пор делу не будет дан ход.

Необходимость ехать обратно в гарнизон, объясняться там с полковником и подвергаться расспросам и насмешкам сослуживцев привела меня в ужас.

Я нахмурился и спросил, вышло ли уже распоряжение коменданта о моем назначении.

– Да, вышло, – отвечал чиновник, погрузившись опять в свои бумаги.

– Дело в том, – продолжал я, – что господин комендант лично просил меня приступить к своим обязанностям сразу по выходе приказа. Он придает большое значение срочности этого дела, а вы понимаете, что я не хочу обмануть его ожиданий. Что до моих бумаг, то я полагаю, их легко будет получить с курьерской почтой.

Чиновник возразил, что ему о просьбе коменданта ничего не было известно, но что это совершенно меняет дело. Поэтому он рекомендует мне немедленно отправиться в N-ский монастырь и снестись там с архимандритом отцом Афанасием по поводу моих новых обязанностей.

– Каковы же будут эти обязанности?

– Об этом вы узнаете у отца Афанасия.

Я поклонился и отправился по указанному адресу.

N-ский монастырь находился за чертой города в небольшом предместье, где по воскресеньям устраивался базар. Подойдя к площади, я увидел высокую глинобитную стену, над которой торчала колокольня с зеленой луковицей. Большие тесовые ворота под круглой аркой были широко открыты, и я зашел в них вместе с телегой, груженной бревнами. Двор монастыря, довольно грязный и тесный, показался мне похожим на строительную площадку: везде были шум и пыль, рабочие в фартуках возили тачки с грудями камней, кровельщики на крыше стучали молотками, каменщики в фартуке и рукавицах разводили в лохани известь. Я спросил у одного монаха, одетого в рясу, где мне найти настоятеля, и тот кивнул в сторону двухэтажного домика, стоявшего немного в стороне.

Входя в двери, я споткнулся о высокую ступеньку и загремел саблей. Немедля выскочил испуганный служка и спросил, что мне нужно.

– Доложи настоятелю, что прибыл офицер с поручением от господина коменданта.

Чрез несколько минут меня провели в кабинет к отцу Афанасию. Архимандрит, облаченный в простую рясу и черную бархатную скуфью, сидел за столом в высоком кресле и читал какие-то бумаги. Я ждал увидеть седого и благообразного старца, но вместо этого предо мною оказался человек средних лет с русой бородой и усами, приятным простым лицом и серыми умными глазами, внушавшими одновременно доверие и приязнь. Увидев меня, он положил бумаги в сторону, приветливо кивнул и спросил, с каким поручением я прибыл от коменданта.

Я доложил, что командирован к N-скому мужскому монастырю для несения службы и готов приступить к своим обязанностям.

– Буду рад оказать всевозможное и посильное сотрудничество городским властям, – отвечал отец Афанасий, глядя на меня с улыбкой и видом человека, который в беседе с гостем получает удовольствие отдыха, отложив на время более важные дела. – Укажите только, в чем я должен оказать содействие и какой помощи могу ожидать от вас?

Я возразил, что в канцелярии мне об этом не сказали, но я надеюсь, что сам архимандрит даст мне подробное разъяснение всех моих прав и полномочий.

Настоятель развел руками.

– Никаких распоряжений я на ваш счет не получал. Должно быть, бумаги еще не дошли, что у нас нередко случается; впрочем, вы можете быть вполне уверены, что деятельность ваша, в чем бы она ни состояла, не встретит с нашей стороны никаких препон. А пока, пожалуй, обратитесь к моему помощнику, дьякону Панагию: он человек разумный и чем-нибудь вам поможет.

Получив благословение настоятеля, я отправился искать отца Панагия в сопровождении служки по имени Варсунфий. Скоро во дворе нам попался богатырского сложения монах с рыжей бородой и усами, который, приподняв полы своей запыленной рясы, с энергичным видом расхаживал среди рабочих, всюду делая распоряжения и выслушивая отчеты. Варсунфий подвел меня к нему – это и был отец Панагий. Он поздоровался, оборотясь ко мне вполуха, и продолжал распекать стоявшего перед ним рабочего:

– Что же ты, этакая шельма, кладешь мне обводную кладку? – спрашивал он, указывая пальцем на незаконченную стену. – Разве у тебя, разбойника, кирпича не хватает или извести? Бессовестный ты человек!

– А чего же мне класть? – отвечал с равнодушным видом каменщик.

– Ты клади прямую, а на углах выводи крестовину, да еще и с наворотом! А коли будешь мошенничать, я пожалуюсь на тебя артели. Видите, с какими канальями приходится иметь дело, – пожаловался монах, оборачиваясь ко мне и кивком предлагая следовать за собою. – Им что Божий храм строить, что скотный двор. А вы, чай, прибыли из комендатуры? Пойдемте ко мне в келью, там мы сможем говорить спокойно.

Мы подошли к длинному желтому зданию, похожему на армейские казармы. Пройдя по узкому коридору, отец Панагий отпер ключом последнюю дверь и любезно пригласил меня в комнату. Я очутился в тесной клетушке с голыми стенами, которая казалась еще светлее от свежей побелки. Дьякон усадил меня на стул возле печи, а сам сел на узкой лавке, служившей ему постелью.

– Да, я о вас слышал, – сказал он, уперев ладони в колена и с откровенной прямоотой глядя мне в глаза, – но должен сказать, что никаких бумаг на ваш счет не получал. По этому поводу вам следует обратиться за разъяснениями к своему начальству. Впрочем, несомненно, присутствие военного в монастыре может быть очень полезно: мы находимся почти в чужой стране, и положение наше настолько трудно, что я не исключаю применения солдат.

– И для какой же цели? – удивился я.

– Для охраны и ограждения православного храма от посягательств безбожников и еретиков, – твердо отчеканил отец Панагий.

Видя мое недоумение, он счел нужным разъясниться:

– Вы, верно, не знаете, что монастырь этот первый, который устроен в городе, и притом на месте католической общины. Не проходит и дня, чтобы нам не подкинули письма с угрозами или возмутительной листовки. Я не говорю уже о том, что снабжение налажено хуже некуда, везде нам ставят палки в колеса, рабочие пьянствуют, а подрядчики воруют, – это и в России дела обыкновенные. Однако с помощью вашего посредничества, – бодро продолжал дьякон, – я надеюсь получить поддержку здешней администрации, которая, по прискорбной традиции, недоброжелательно относится к монашествующим. Ибо власти предрасположены нередко видят в монахах только лоботрясов и нахлебников, уклоняющихся от гражданской службы под пред-

логом спасения своей души. Если они с нами и мирятся, то как с неизбежным злом, стараясь извлечь из этого хоть малую пользу, – к примеру, устроив при монастыре богадельни и лазареты. У нас также будет открыт военный госпиталь: вот, кстати, еще одно поле деятельности для вас.

Я содрогнулся, представив себя в роли больничной сиделки.

– Скажите, отче, – спросил я, – а какая была надобность изгонять отсюда католиков? Разве нельзя было построить монастырь в другом месте? Мне кажется, теперь они должны относиться к нам враждебно: верно, они убеждены в истинности своей религии и испытывают в отношении ее врагов то же чувство, которое и мы испытывали бы на их месте.

– Увы, это глубокое заблуждение, – сурово возразил мне дьякон. – Не забывайте, что существует Церковь истинная и церковь ложная, и разрушить одну или другую – не одно и то же. Между тем католики, которых вы хотите защищать, никогда не церемонились с нашими церквями и извечно видели в православии своего исконного врага. Впрочем, для полного освещения этого вопроса рекомендую вам замечательную брошюрку протоиерея Хвалынского, прочтите ее непременно: она есть в монастырской библиотеке.

Я ответил, что непременно воспользуюсь его советом, и поспешил закончить разговор.

– Итак, чем мы решим дело? – сказал я, поднимаясь.

– Я уже сказал: поговорите со своим начальством и завтра приходите опять. Не сомневаюсь, что мы с вами поладим. Увидите – дел у вас будет много.

Выходя из монастыря, я не решился ехать к коменданту на пустой желудок. Вместо этого я отправился к графине, где ожидал, что меня встретят с распростертыми объятиями. Вместо этого я застал ее уже на пороге, одетую и в большой спешке.

– Pardonnez moi, поручик, я тороплюсь к стряпчему, – проворковала графиня на ходу, вылетая в дверь и обдав меня жасминовыми духами. – Мое дело должно вот-вот решиться; Лили и мадам де Лунь вас примут.

Пожав плечами, я отдал шинель Лизе и прошел в столовую.

Обе дамы уже сидели за обеденным столом; они были одеты не по-домашнему, а в праздничных открытых платьях и с прическами *a la madame Sevigne*. Причиной тому являлся новый посетитель, которого мне представили как князя Стручинского: это был человек приятной, но чересчур слащавой внешности, одетый с претензией на парижский шик. Присутствие незнакомца меня смутило; в довершение несчастья мне подали только чай и дутую булку: мои надежды на обед рухнули.

Князь непринужденно вел застольную беседу, перепрыгивая с французского на польский и время от времени вставляя русские словечки; при этом он искоса посматривал на меня, делая ироническую гримасу. Речь пошла об изящных искусствах: князь высказал мысль, что польское искусство несравненно превосходит русское, так как последнее лишь недавно приобщилось к просвещенной Европе и еще не вышло из периода младенческого варварства. Я сделал на это несколько возражений, князь ответил на них колкостью, и наш спор начал походить на ссору.

– Вы должны признать, князь, что есть, по крайней мере, одна область, в которой русские превосходят поляков, – заметил я, исчерпав все известные мне аргументы.

– Какая же?

– Область военного искусства.

Князь вспыхнул и пробормотал сквозь зубы, что, возможно, превосходство это только временное. Лили, почувствовав, что разговор стал неприятен, простодушно спросила, верно ли, что когда стреляют из пушек, то солдаты заклепывают уши воском, чтобы не оглохнуть. Этот вопрос насмешил всех, и даже князя, который, смягчившись, заметил, что, во всяком случае, военное искусство нельзя отнести к области изящных, ибо «когда говорят пушки, музы молчат».

Про себя я решил, что ни за что не уйду из дома раньше князя, и, дождавшись, когда тот откланяется, последовал за ним. Мы расстались холодно: князь небрежно кивнул в ответ на мой поклон, а я направился в другую сторону, насвистывая военный марш. Домой я возвратился сильно не в духе.

В трактире я первым делом заказал себе двойную порцию страсбургских котлет. Вместо хозяйина мне прислуживала вчерашняя еврейка. Подождав, пока она расставит блюда на столе, я взял ее за руку и сказал:

– Послушай, мне жаль, что вчера так вышло: сам не знаю, что на меня нашло. Я признаюсь, что поступил худо, и прошу у тебя прощения. Вечером можешь зайти за книгой: клянусь, что ничего дурного я тебе не сделаю.

Еврейка положила в передник деньги и молча отошла. Вино на этот раз показалось мне не таким вкусным.

В комнате меня ожидал сюрприз: денщик, вернувшийся из ** с мешком вещей, привез с собой одного из гарнизонных офицеров, подпоручика Куницына. Куницын служил у барона ординарцем и славился в полку как первый гуляка и буян, способный перебить любого кучера. Я знал его мало, но мы встретились по-дружески. Оказалось, что в город он приехал по делам и зашел ко мне из любопытства.

– Ну и нору же ты себе выбрал, братец, – заметил Куницын, критически оглядев чердак. – А я-то ждал, что найду тебя в хоромах! Твой перевод наделал в полку шуму, только и речи, что о нем.

– Что же говорят?

– Да такое, что и язык не повернется вымолвить. Но я думаю, что все врут и никто ничего не знает. Вот пришел к тебе разведать, что да как: пусть хоть один человек услышит правду.

Я откровенно рассказал ему, как было дело. Куницын выслушал меня с большим вниманием, потом хлопнул по плечу и сказал:

– Ну что ж, брат, твое счастье! Женись на графининой дочке и стань графом; а коли нарожаешь графинят, позовешь меня в крестные.

Я предложил отметить встречу шампанским. Подпоручик, отличавшийся отменным ростом, раскинулся на стуле и вытянул ноги через всю комнату, упершись головой в балку.

– Забавную книжку я нашел у тебя на кровати, – промолвил он, откупоривая бутылку, которую я велел принести из трактира. – Сказать правду, ты меня удивил – я не ожидал от тебя такого вкуса. Откуда она у тебя?

Я рассказал про еврейку и таинственные книги. Куницын живо этим заинтересовался.

– Вот оно в чем дело! – воскликнул он, подмигнув и многозначительно присвистнув. – Я видал хозяйскую дочку, да не разглядел ее хорошенько. А она, должно быть, особа интересная?

– Да. Говорят только, что она с придурью.

– Ну, это не беда – у женщины всякий ум есть придурь. И потом, девица, которая читает такие книги, должна находиться выше своей среды и для окружающих казаться странной. Только, знаешь ли, с кем бы я хотел познакомиться? С тем постояльцем, что оставил у тебя книгу. Я думаю, уж не сам ли он ее написал? Признаюсь, я ее пролистал немного, пока тебя не было, и пришел в восхищение. Поверь мне, это истинная поэзия: ни Вольтер, ни Дант не отказались бы от этих строк.

Я пожал плечами и признался, что книжку не читал, потому что не знаю польского.

– Право? Ну попробуй хоть на слух – вот истинная музыка.

Вскочив со стула, он взял с кровати еврейскую книгу и принялся декламировать из нее наугад, как если бы читал на сцене. Я слушал его, кивая головой и не понимая ни строчки. Закончив декламацию, Куницын начал с ходу переводить вирши на русский, но не слишком гладко; заметив это, он перешел на французские и русские стихи; потом мы вместе спели нашу полковую песню; потом принесли еще рейнвейна. Я пил вдвое меньше Куницына, но хмелел

быстрее; подпоручик же казался лишь немного возбужденным, и глаза у него блестели веселей обыкновенного.

Как водится у русских людей, вечеринка наша закончилась философическим спором.

– Что за жизнь ведем мы с вами, прапорщик? – спрашивал меня Куницын, подперев рукой голову и неожиданно перейдя на «вы». – Разве так должны жить порядочные люди? Прозябать весь век в глуши, с утра до ночи заниматься маневристикой и почитать за счастье съездить в этот убогий городишко – в наши-то годы! Юлий Цезарь, когда ему было двадцать лет, плакал, что еще ничего не успел сделать для истории: как я его понимаю! В гарнизоне я каждый день просыпаюсь с раздражением, а засыпаю в бешенстве; только и утешения, что карты да вино. А что дальше? Или сопьешься, или пустишь себе пулю в лоб, если какой-нибудь фанфарон не застрелит тебя раньше на дуэли. Друг мой, где же наши подвиги, где геройство, где слава? Где безумная любовь и потрясающие душу страсти? Где поэзия жизни? Для того ли мы родились на свет, чтобы не видеть ничего, кроме казарм и манежей, грязных русских дорог и польских местечек?

Я отвечал ему не менее жаркой, но еще более бессвязной речью, которую не могу теперь припомнить. Свеча понемногу догорела, и комната освещалась только печкой, куда Василий продолжал подкладывать дрова. Наконец, отбив горлышко у последней бутылки, Куницын залпом ее опрокинул, швырнул в угол и промолвил: «Время за полночь; пора бы и спать». Я отдал ему вторую кровать и отправил денщика в конюшню, чему тот, похоже, был очень рад. Когда мы улеглись, подпоручик вдруг ясным и трезвым голосом посоветовал мне держаться подальше от евреев и принялся, как среди бела дня, рассказывать про какую-то иудейскую секту, о которой слышал от приятеля. Под этот рассказ я заснул; а когда проснулся, Куница уже не было.

Глава 4

Следующий день был еще более суетливым и бестолковым, чем все предыдущие. С раннего утра я, скрепя сердце, направился к коменданту. Он принял меня с холодным видом, равнодушно выслушал мои вопросы и сказал, что беспокоиться мне нечего, дело найдется и мне надобно только исправно являться в канцелярию и в монастырь к архимандриту да в конце месяца представлять отчет по форме. О графине и ее ходатайстве не было упомянуто ни слова.

В монастыре вместо отца Панагия меня принял его секретарь, инок Игнатий. Это был тихий и скромный юноша с бледным лицом и темными меланхолическими глазами. С любопытством поглядев на мои эполеты, он извинился за отсутствие диакона, который находился на строительстве, и объяснил, что по его поручению будет заниматься всеми моими делами.

– Я слышал, что назначенный в роту офицер первым делом устраивает ей смотр, чтобы познакомиться со своими подчиненными, – с улыбкой сказал Игнатий, и в его глазах блеснуло неожиданное лукавство. – Верно, и вам, назначенному к нам в монастырь, для начала следует осмотреть поле вашей будущей деятельности? Если это так и если вы в расположении для небольшой прогулки, я почту за удовольствие быть вашим проводником.

Я ответил, что видеть быт монахов мне будет любопытно, и мы пошли. N-ский монастырь занимал небольшую территорию, на которой находилось несколько невзрачных зданий: это были уже известное мне общежитие для братьев, отдельная трапезная, кухня, хлебопечкарня, конюшня, два служебных флигеля и часовня, приспособленная под склад. Церковь в монастыре была только одна, да и ту переделали из католического костела, оставив от него одну базилику и пристроив к ней колокольню на византийский лад. Игнатий показал мне также новое строящееся здание в два этажа, стоявшее еще под лесами, и объяснил, что на первом этаже будет расположен госпиталь, а на втором богадельня. Я спросил, где у них библиотека; он указал мне на флигель, в котором жил архимандрит. В завершение прогулки мы заглянули к хлебопекам. Игнатий взял две горячих лепешки у послушника, стоявшего у печи с ухватом, полил их медом из кувшина и одну подал мне, а вторую оставил для себя.

Мы вышли на улицу и присели на скамеечке под двумя березами, на которых уже раскрылись свежие почки. Понемногу наш разговор стал более откровенным.

– Давно ли вы здесь? – спросил я, смотря на юное лицо инока, по которому ему можно было дать не более семнадцати лет.

– Уже пятый месяц.

– Вы сами выбрали этот монастырь?

– Нет, у нас так не делается: меня направили сюда из семинарии. Других вакансий вовсе не было, и если бы не открыли эту обитель, я бы оказался вовсе без места.

Я с сочувствием покачал головой.

– И что ж вам здесь, нравится?

– Нравится или не нравится – не мне судить. В других местах я не был, а для монаха всякий монастырь хорош, где ближе к Богу и братия благочестива.

– А здесь благочестива?

– Весьма.

– Я вчера разговаривал с вашим настоятелем, он мне показался человеком незаурядным. Что вы о нем думаете?

Инок улыбнулся и посмотрел на меня искоса.

– Что же вы спрашиваете? Я и об этом судить не смею. Про отца Афанасия, конечно, ничего нельзя сказать дурного – он человек возвышенный, и братия им гордится. Плохо только то, что ему приходится много заниматься административными делами, – зачем же служителя Божьего превращать в чиновника?

Я с ним согласился.

– Вот уж у кого нет недостатка в административных талантах, так это у отца Панагия, – прибавил я. – Скажите, как вы попали ему в секретари – ведь в ваши лета это должность немаленькая?

Игнатий вздохнул и скромно опустил ресницы.

– Святому отцу было благоугодно снисходительно отнестись к моим способностям и избрать меня в свои помощники – ибо я, по его словам, слог имею красный, разум быстрый, а познания обширные. Все эти определения, разумеется, надо понимать в поощрительном смысле.

– Наверно, вы и в богословии неплохо разбираетесь?

– Если угодно. В семинарии это был мой любимейший предмет.

– Не окажете ли мне посильную помощь в изучении сей науки? Ваш дьякон посоветовал мне почитать какую-то брошюрку, но мне сдается, что я гораздо больше мог бы почерпнуть из разговоров с вами, раз уж нам все равно должно быть вместе.

– С большим удовольствием, если найдется время. Но, по правде говоря, такового почти не бывает: весь день занят службами, послушанием и бумажной работой. Нынешний случай больше исключение.

– Так вы и в городе не бываете?

– Нет-с; нам запрещено выходить из монастыря.

Я поглядел на него с сочувствием.

– Скажите мне, любезный друг, как вы вообще могли попасть в монахи? Неужели по доброй воле? Я не могу поверить, что вам может нравиться такая жизнь.

– Это долгая история, – потупив глаза, отвечал Игнатий.

– Я тоже верю в Бога, – продолжал я, – но затвориться навек в монастыре – это кажется мне противным природе. Есть же разница между верою и изуверством!

Инок перестал есть лепешку и посмотрел на меня с неожиданным интересом.

– А вы верите в Бога? – спросил он почти недоверчиво, словно услышав о какой-то удивительной причуде.

– Разумеется, как и всякий христианин. Впрочем, я спрашиваю лишь из любопытства и, если чем-нибудь обидел вас, простите.

Игнатий доел остаток хлеба, отряхнул руки и подрясник и встал со скамейки.

– У нас еще будет возможность поговорить на эту тему. А вообще, я очень рад, что свел с вами знакомство. Пока прощайте; думаю, завтра мы увидимся.

Из монастыря я отправился к себе домой. На обратной дороге мне пришло в голову зайти в торговые ряды Путехина, чтобы купить табаку. Французского там не оказалось, был только польский, который приказчик расхваливал мне так настойчиво, что я задумался и решил совсем ничего не покупать.

На обратном пути, когда я подходил к площади, кто-то окликнул меня из проезжавшего мимо кабриолета. Обернувшись, я увидел графиню, которая взволнованно махала мне рукой.

Подойдя к экипажу, я приложился к кружевам ее перчатки. Графиня казалась чрезвычайно возбужденной и была как в лихорадке.

– Мсье офицер, у меня до вас большая просьба – только вы можете меня спасти!

– Что случилось, графиня?

– Я переезжаю!

– Поздравляю вас от всей души.

– Благодарю, но я в отчаянии. Если вы не поможете мне с переездом, я пропала: у меня мало людей, и я боюсь, что мы не успеем к ночи!

«Что за беда? переехали бы завтра», – подумал я про себя, а вслух ответил:

– Я у вас в полном распоряжении; но что я могу сделать?

– Как что? Вы офицер – прикажите своим солдатам, чтобы они перенесли мои пожитки, *mes hardes*.

– Помилуйте, графиня, где же я возьму солдат? Вы знаете, что я теперь в монастыре, а там одни монахи.

– Ах, я об этом позабыла! Ну так придумайте что-нибудь, господин поручик. Для вас это безделица, а меня вы очень обяжете. Не правда ли, вы мне обещаете?

– Сделаю, что смогу, сударыня.

– Дзенькуе – я не сомневалась в вас! Приходите ко мне по старому адресу, там вам скажут, что делать.

И графиня, толкнув кучера, поскакала дальше.

Я пошел дальше в задумчивости, не зная, что предпринять. В городе стояло два уланских эскадрона и пехотная рота, которой командовал штабс-ротмистр Гребнев; последнего я знал по летнему кампанементу, но не настолько коротко, чтобы обращаться к нему с личной просьбой. Оставалась надежда, что я встречу где-нибудь ремонтные работы, на которых обычно использовались новобранцы. Действительно, во дворе одного из домов я увидел отделение солдат, которые копали траншею под присмотром усатого фельдфебеля. Подойдя ближе, я суровым голосом спросил, что здесь происходит. Фельдфебель щелкнул каблуками и отрапортовал, что по указанию городского головы идет ремонт канализации, прорванной от талых вод. В самом деле, вонь была ужасная. Зажав нос, я сказал, что иду из комендатуры и имею полномочия забрать первых попавшихся солдат для выполнения важного задания; но что, впрочем, беспокоиться ему не о чем, так как я возьму только троих и верну их прежде, чем будет вечерняя поверка. Фельдфебель гаркнул: «Слушаюсь, ваше благородие!» – и взял под козырек.

Через несколько минут я подошел к знакомому флигелю во главе небольшого отряда. Оставив на дворе солдат, я приказал ждать и вбежал на крыльцо. К своему удивлению, в доме я нашел одну только Лили, которая сидела в кресле посреди маленькой гостиной. Вид у нее был растерянный и испуганный, как у ребенка, которого оставили одного дома; увидав меня, она вспыхнула от радости. Оказалось, что графиня только что ушла, но должна вернуться с минуты на минуту; в ожидании ее возвращения мы перешли в столовую, где Лили угостила меня чаем и вареньем с орехами. За разговором мы сели друг против друга. Чтобы занять даму, я принялся рассказывать о своей гарнизонной службе, припомнив бывшие у нас забавные истории и присовокупив к ним все известные мне анекдоты о военных, которые я выдавал за подлинные случаи из жизни: в таком изображении мое житье в местечке** походило на французский водевиль. Лили, как ребенок, вертелась на стуле, закидывала голову, встряхивала кудрями и заливалась серебристым смехом. Я был в восторге от своего остроумия; полтора часа пролетели как минута. Когда появилась ее матушка, пробило уже без четверти шесть.

Графинино лицо было вытянуто – она испугалась стоявших во дворе солдат.

– Вы очень любезны, пан офицер, – промолвила она, переведя дух, – но ваша помощь сегодня не потребуется. Все равно, я благодарна вам за услугу... Моя шалунья, наверно, вас совсем замучила?

Она посмотрела на Лили, щеки которой стали пунцовыми от смеха.

– Напротив, графиня: я никогда так хорошо не проводил время.

Графиня пожала плечами и возвела очи к небу, словно говоря: «Эти военные вечно с комплиментами!».

Я отпустил солдат и отправился домой. По дороге я перебирал в памяти свой разговор с Лили, вспоминая ее смех и придумывая все более удачные острооты. Занятый этими мыслями, я поднялся на свой чердак – и в изумлении остановился на пороге. Посредине комнаты на единственном стуле, стоявшем рядом с открытым сундуком, сидел незнакомый мужчина и с рассеянным видом перелистывал книгу. На нем был коричневый нанковый сюртук, сапоги для верховой езды и лайковые перчатки. Черная шляпа с железной пряжкой на высокой тулье

лежала рядом на кровати. Услышав мои шаги, он поднял голову, оглядел меня с ног до головы и преспокойно вернулся к своему занятию.

– Позвольте, сударь, что вы делаете в моей комнате? – спросил я, вне себя от удивления. Незнакомец сложил книгу и обратился ко мне серьезный взгляд.

– В вашей комнате? – переспросил он невозмутимо. – Да, верно, теперь эта комната ваша, но еще совсем недавно она была моей. Вы видите, господин прапорщик, – я пришел за своими вещами.

– Но как вы посмели войти ко мне без разрешения?

– А как *вы* посмели, сударь, не возратить мне мое имущество, когда вас об этом попросили?

Я смутился.

– Позвольте, я вовсе не отказывался его возвращать: девушка, которая за ним приходила, могла забрать его в любой момент!

– После того, как вы попытались воспользоваться ее беспомощностью и хотели обесчестить ее вот на этой самой кровати?

От таких слов кровь бросилась мне в лицо.

– Кто вы такой, сударь, чтобы меня судить? – вскричал я, сжав кулаки и подступив к нему в ярости.

Гость поднялся со стула и выпрямился во весь рост.

– Кто я такой? – переспросил он тихо. – Вы правы: я всего лишь честный человек, что в наше время уже немало. Но, может быть, я и нечто большее: об этом знает только Бог и те, кто слышат Его слово.

Услышав это, я вспомнил вчерашний разговор с Куницыным и его отзыв о неведомом поэте. Мой взгляд невольно обратился к книге, которую он продолжал держать в руках. Мне пришло в голову, что, возможно, я имею дело с незаурядным человеком, и мой гнев улегся.

– По крайней мере, сударь, вы должны принести мне извинения за свои слова, – пробормотал я.

– Разумеется; но не раньше, чем вы извинитесь перед девушкой, которую вы оскорбили.

– Я уже это сделал.

– В таком случае и я извиняюсь перед вами и искренне надеюсь, что мои слова не показались вам слишком резкими.

На это мне нечего было возразить. Немного помолчав, я сказал, указывая на сундук:

– Стало быть, вы хотите забрать вещи; возьмите их.

– Благодарю вас. Я собирался взять одну только эту книгу, поскольку все остальное, как и сам сундук, принадлежит хозяину квартиры. Но книга эта дорога мне так же, как моя жизнь: ее утрата была бы для меня большой потерей.

– Это вы ее написали, не правда ли?

Незнакомец молча склонил голову.

– Один мой приятель вчера прочел ее и пришел в восторг; он даже сравнивал вас с Данте и Вольтером.

Незнакомец слегка улыбнулся.

– Это доказывает, что у него хороший вкус.

– Он читал мне несколько страниц, но я ничего не запомнил. О чем эти стихи?

В глазах посетителя зажегся внезапный блеск; словно заметив это, он тут же прикрыл их веками. На его губах появилась слабая усмешка.

– Я не пишу стихов, – ответил он спокойно. – Миссия моя совсем другая: она в том, чтобы общаться с Господом и нести от Него весть тем страждущим, кто имеет в ней нужду, так же как житель пустыни – в воде, а потерпевший кораблекрушение – в суше.

– Вы священник?

– Я проповедую путь истины, которая сама найдет себе служителей, если вы это имеете в виду.

– Стало быть, вы ищете истину?

– Нет, я уже нашел ее – я даю ее другим.

– И какова же эта истина? – спросил я, стараясь не показать улыбки.

Незнакомец бросил на меня проницательный взгляд.

– Вы действительно хотите это знать? – спросил он серьезно. – Я потому об этом спрашиваю, что поиски истины – занятие непростое и может завести вас очень далеко. Впрочем, это дело вашей доброй воли.

Он резко поднялся и взял с кровати шляпу.

– Если это вам и в самом деле интересно, приходите сегодня вечером в дом к меднику Горану, часов этак в десять, – прибавил он уже в дверях. – Там будет и Лия – та девушка, что была у вас; вы сможете воспользоваться случаем и загладить перед ней свою вину. Мне кажется, она на вас еще обижена... Да, я забыл представиться: меня зовут Иосиф Лембовиг, но здесь я больше известен под именем Йозефа Франца. Желаю вам провести приятный вечер.

После ухода гостя я некоторое время просидел в размышлениях. Мне хотелось увидеть Лию – если таково было ее имя, – может быть, из одного упрямства. Эзоп говорит, что всего сильней нас привлекает плод, до которого мы не можем дотянуться. Я не без волнения вспоминал движение ее сильного тела, когда она так живо вырвалась из моих рук... Не менее любопытно мне было попасть на загадочное «собрание», о котором упомянул мой гость. Впрочем, знакомство с молодым евреем, человеком странным и едва ли светским, несмотря на все его таланты, показалось мне весьма сомнительным. Мне вспомнились слова Куница о секте; я не смог побороть своего предубеждения и решил, что весь вечер просижу дома, купив себе только табак.

Обойдя несколько лавок, я не только нашел то, что искал, но и заплатил дешевле, чем это обошлось бы у Путехина. По пути я повстречал князя Стручинского, который шел мне навстречу по другой стороне улицы в щегольском костюме и с новой тростью. Я сухо ему поклонился; он сделал вид, что не заметил моего поклона, и это меня взбесило. Я пересек мостовую, тронул его за плечо и сказал очень громко:

– Сударь, вы не замечаете своих знакомых: это невежливо!

Князь притворился, что только теперь меня увидел, и рассыпался в извинениях и любезностях. Он объяснил, что страдает близорукостью и на улице никого не узнает; друзья, зная об этом, прощают ему невольную неучтивость, проистекающую из физического недостатка, а не из душевной грубости. Впрочем, продолжал он, это несколько не оправдывает его в моих глазах, ибо он охотно признает свою вину и надеется ее загладить в будущем. Пока же он просит меня навестить вместе с ним его приятеля, к которому теперь идет: это позволит ему хотя бы отчасти исправить свой проступок, познакомив меня с приятным обществом. «Если вы откажетесь, – прибавил он с милой улыбкой, – то я тоже никуда не пойду, а отправлюсь домой и лягу спать».

После недолгих колебаний я согласился: заняться мне было совершенно нечем. Мы свернули в соседний переулок и зашли в дом, стоявший на углу улицы. Лакей, отворив дверь, с поклоном провел нас в просторный вестибюль. Обстановка дома была самой роскошной: везде горели позолоченные люстры и подсвечники, по углам стояли каменные статуи и консоли с фарфоровыми безделушками, на стенах висели огромные зеркала, на окнах – плюшевые шторы. Князь взял меня под руку, и мы прошли по анфиладе комнат, здороваясь с встречавшимися по пути гостями. В первой зале стояли зеленые столы для виста, за которыми никто не играл; во второй на штофных диванчиках, расставленных по стенам, сидело несколько пожилых мужчин, куривших трубки и о чем-то громко споривших по-польски. Наконец, в третьей

и самой большой комнате во главе круглого стола, окруженного кучкой игроков, сидел сам хозяин дома – статный и седой мужчина с черными усами. Он метал банк.

Князь, извинившись, сразу куда-то исчез, а я остался смотреть игру. Талья была в самом разгаре, и на столе уже стояло больше дюжины карт. После каждой прокидки банкомет делал расчет и записывал его в столбик, громко объявляя итог. Я заметил, что ставки совсем не высоки: ни один куш не был выше десяти рублей. Я уже хотел поставить свою карту, как вдруг кто-то притронулся к моему плечу.

Я оглянулся: передо мной стоял немолодой офицер в форме улана, с пеньковой трубкой и огромными усами.

– Честь имею представиться, – сказал он вполголоса, – капитан Стекин. Не хотите ли отойти со мной для разговора?

– А что такое?

– У меня до вас дело.

Я кивнул; мы вышли в соседнюю комнату. По углам стояли две бронзовые пепельницы, а на стене висела какая-то темная картина. Капитан, не садясь, предложил мне свою табакерку; я поблагодарил и отказался.

– Позвольте узнать, как давно вы бываете в этом доме? – спросил улан, немного помолчав.

– Нынче в первый раз.

– Позвольте также спросить, собираетесь ли вы играть сегодня вечером?

– Может быть.

– В таком случае я не советую вам этого делать, – возразил капитан, сделав значительное лицо и пыхнув трубкой.

– Разъяснитесь.

– Все очень просто: хозяин этого дома, пан Поляницкий – известный шулер.

– Не может быть!

– Я даю вам в этом свое честное слово.

Я посмотрел на него внимательно: капитан говорил серьезно и, похоже, со знанием дела.

– Но если все об этом знают, то как же соглашаются играть?

– Знают, да не все: вы, например, не знаете.

– А вы сами не боитесь проиграться?

– Нет. Если я играю, то по маленькой и ничем не рискую; кроме того, в этом доме я ищу общества, а не игры. Но вы другое дело – вы здесь новичок и можете попасть впросак. На это весь расчет: вы не заметите, как втянетесь, игра тут же вырастет, и он вас не упустит.

– И князь Стручинский тоже об этом знает?

– Это он привел вас сюда?

Я кивнул утвердительно.

– Думаю, что не только знает, но и имеет свою долю.

– Что вы говорите! Верно, он очень беден, что зарабатывает себе таким способом?

– Может быть, он и не беден, но лишние деньги ему не помешают. Все эти польские аристократишки – настоящие прощелыги. Впрочем, я вас предупредил; поступайте, как знаете.

Мы вернулись в залу. Князь был уже там: увидев меня, он схватил меня за локоть.

– Я давно вас ищу; где вы были? Я думал, вы ушли.

Я пробормотал что-то в свое извинение.

– Так вы будете играть?

– Пожалуй.

Я решил для вида поставить несколько карт и как можно скорей уйти. Но такова природа истинной игры – выиграв одну карту, я захотел поставить другую, за ней третью и вскоре, не заметив как, оказался в большом проигрыше. Князь с дружеским видом советовал мне переменить тактику и перейти на мирандоли, уверяя, что так я скорее отыграюсь. Следующая талья

выиграла мне соника. Оглядевшись по сторонам, я увидел английские часы, висевшие над мраморным камином: они показывали без трех минут десять. В задумчивости я загнул трефового валета, решив, что если сейчас проиграю, то немедленно уйду и отправлюсь на поиски Иосифа Лембовига. С первой же карты мой валет был убит; князь с досадой крикнул. В этот момент часы пробили десять; я вздрогнул, быстро заплатил за проигрыш и, не слушая удивленных восклицаний князя, покинул залу.

Глава 5

Дом медника я нашел легко: было видно, что в округе он человек известный. У подъезда горел керосиновый фонарь, над входом висела вывеска: «М. Горан. Работа по металлу». Постучав, я еще несколько минут рассматривал прибитую к двери медную дощечку с награвированным прејскурантом – одновременно реестр услуг и образец ремесла. Наконец дверь открыл заспанный мальчишка и хриплым голосом спросил, кого мне нужно.

Я сказал, что хочу обновить чеканку на своей сабле. Зевая во весь рот, подмастерье ответил, что нынче уже поздно и хозяин будет только завтра.

– В таком случае мне нужно видеть Йозефа Франца, – сказал я.

Это имя произвело сильное действие: малец сразу впустил меня в дом и, выглянув на улицу, закрыл за мной засов.

– Идемте в мастерскую, – сказал он бодрым голосом.

В доме было темно; мы вышли через черный ход на улицу, пересекли двор и подошли к длинному сараю, двери которого пропускали яркий свет. Должно быть, в обычное время здесь в самом деле была мастерская, поскольку по стенам висели инструменты медника, а в углу стоял огромный горн, но на этот вечер из нее сделали обеденную залу: пол был посыпан свежими опилками, вдоль стен расставлены скамьи, а на середине поставлен длинный стол, на котором громоздились закуски и напитки. В помещении находилось много людей: все это, сколько я мог заметить, были люди из простонародья. Само собрание еще не началось.

По указанию своего проводника я сел на одну из лавок и очутился рядом с каким-то рябым мужичком – тот сидел очень прямо, глядя перед собою в пол и задумчиво ковыряя в носу. Когда я поместился рядом, он взглянул на меня равнодушно и отвернулся. Оглядев зал, я заметил Лию, которая сидела неподалеку от меня на той же лавке и оживленно разговаривала со своей соседкой. На ней был праздничный наряд – темно-малиновая шаль, голубое платье и цветастая косынка, особым образом повязанная на лбу и придававшая ей вид восточной красавицы. Увидев, что место рядом свободно, я встал и сел с ней по соседству.

– Здравствуй, Лия, – проговорил я негромко. – Вот мы и снова свиделись!

Лия повернула ко мне голову, и улыбка померкла на ее устах. Несколько мгновений она смотрела на меня в недоумении, словно не решаясь поверить своим глазам.

– Зачем вы здесь? – спросила она наконец, слегка отодвигаясь. – Вас сюда не звали.

– Напрасно ты так думаешь, – возразил я, невольно усмехнувшись. – Я здесь по той же причине, что и ты, – меня пригласил Йозеф Франц.

Лия взглянула на меня недоверчиво, однако имя Франца, как видно, имело здесь непрекаемый авторитет.

– Если это так, оставайся и будь с нами, – ответила она кротким и серьезным тоном. – Теперь ты наш возлюбленный брат, как и всякий, кто слышит и знает Его слово.

Я хотел еще что-то прибавить, но в этот момент по залу пролетел легкий ропот; все разом смолкли, встали с мест и обратили взгляды к середине комнаты. Из дальнего угла – верно, там находилась другая дверь, скрытая кузнечным горном, – на свет выступил невысокий человек, в котором я не без труда узнал своего вчерашнего незнакомца. На сей раз он был в длинном сером плаще, отделанном серебром, красных сафьяновых сапогах и собольей шапке: это странное одеяние придавало ему сходство с боярином времен Иоанна Грозного.

В зале наступила тишина. Медленно приблизившись к столу, Йозеф Франц поднял руки, приглашая всех сесть, и после минутного молчания заговорил.

– Друзья мои, соратники, возлюбленные мои дети, братья и сестры по духу и любви! – произнес он громко и торжественно, окинув собрание пламенным взором. – Как вы сами видите, несмотря на происки наших недругов, мы снова собрались на нашей вечере!

При этих словах все одобрительно загудели, но Йозеф Франц, подняв руку, восстановил молчание.

– Собрались, сказал я, но опять тайно и опять в другом месте. Что же делать, если мы вынуждены жить в подполье, словно преступники, и таиться от солнечного света, как те, кто должен скрывать свои грехи! Ибо поистине в их глазах преступен и греховен тот, кто несет разум в мир, зараженный безумием, и проповедует святость людям, погрязшим в бесчестье. Вспомним, что было сказано: «Тому, у кого заслуг больше, чем грехов, посылаются несчастья, а тому, у кого грехов больше, чем заслуг, посылается благополучие. Почему, вы спросите? Несчастья, чтобы милость ему была оказана в грядущем мире, и благополучие, чтобы выплатить ему награду в этом мире». Не о каждом ли из нас это сказано и не должны ли мы радоваться гонениям и поношениям, как верному признаку нашего призвания? Вспомним также, что говорил раби Шимон: не может земля существовать без праведников, и если их сотня, то среди них я и мои собратья; а если их двое, то это я и мой брат; а если один, то это я. И это – не про нас ли и не про наших братьев сказано? Мы здесь немногие избранные, призванные к спасению мира; участь наша печальна, но почетна; мы – последние подпорки, которые держат ветхое строение: выбей их, и оно рухнет. Да, друзья мои, смерть и мрак стучатся в эти двери, ибо здесь последнее прибежище жизни и тепла, и сюда, как на ночной костер в пустыне, сходятся все, кто может видеть свет. И сегодня я вижу среди нас несколько новых лиц: я приветствую их и радуюсь им так же, как своим прежним, старым и верным спутникам. Придите, вступите в наш круг, разделите с нами муки и блаженства, как и я делю их с вами!

Лембовиг на минуту умолк, как бы давая время обдумать его слова. Затем он продолжал:

– Выслушайте, что я скажу вам в этот раз. Вы знаете, что все мы, и всё, что в нас, и всё, что вне нас, сотворено по воле Единого, да будет Свят Он. Как архитектор строит дом, вглядываясь в чертежи, так и Творец, вглядываясь в Тору, создавал землю, воды, растения и зверей. Но одного лишь человека Он сотворил по образу и подобию Своему. Почему же Он сделал это? Конечно, не для того, чтобы мы могли, глядя в зеркало, думать, что видим Его облик, и не для того, чтобы, возгордившись этой честью, презирать другие творения Его рук. Ибо мы только часть строения, хотя и часть немаловажная: как мироздание отражает Тору, так и мы отражаем мироздание. А кто может стать подобным Творцу, как не тот, кто постигнет Его замысел? И кто постигнет Его замысел, как не тот, кто познает его воплощение? Вот что значат слова нашего учителя Шабтая: не настанет время Машиаха, пока не будет подсчитана последняя монета в кармане бедняка и пока не растает на языке последняя капля меда. Говорю вам – время это близко. Если рождается ребенок, то сначала появляются его кости, потом сухожилия и мясо, и в самом конце – волоски на его коже; если строят храм, то сначала каменщики возводят стены, потом штукатурщики покрывают их известкой и после всех метельщики выметают из него мусор и пыль; если собирают урожай, то вначале жнецы серпами срезают жатву, потом женщины поднимают упавшие колосья, а потом полевые мыши подбирают оставшиеся зерна. Мы – эти волоски; мы – эти подметальщики; мы – эти полевые мыши. Наши отцы собрали больше нас, им честь и слава; они донесли до нас Тору, Мишну и Гемару; они пересчитали все небесные звезды и взвесили лунный свет; они собрали с цветов нектар и выпили утреннюю росу. Что же осталось нам? Мусор под ногами, нечистоты и отбросы; выделения больного тела, ногти, состриженные нечестивцем; то, что скрывает стыд и порок, порождения бреда и помышления глупости, иллюзии и сны; испарения болот, тайны мрачных духов и стихий, разум демонов, зрение ехидны; крупницы солнца, затерянные в преисподней, все самое большое и самое малое, все самое высокое и самое низкое, все самое худшее и самое лучшее. Итак, помните: все, что происходит здесь, происходит не случайно: мы завершаем начатую некогда постройку, и те песчинки, которые мы принесем в конце времен, на весах Единого, да будет Свят Он, окажутся тяжелее гранитных глыб. Каждый из нас служит этому делу, и каждый из нас делает это в одиночку; но вот приходит день, когда мы собираемся все вместе, и это день

великого праздника. Пусть теперь душа забудет все тяготы, которыми обременил ее внешний мир, оставим свои горести на завтра, ибо сегодня время непрестанного блаженства. Помните, что встреча, которую мы празднуем, может быть последней; проведем же ее так, чтобы она не забылась нами и в последнюю минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.